
Б. Н. ПУТИЛОВ, В. К. СОКОЛОВА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Предмет советской фольклористики — поэтическое творчество трудовых народных масс как исторически сложившаяся и развивающаяся область искусства. Основные задачи этой науки — изучение специфики и эстетической сущности фольклора, его истории и современного состояния; его места в жизни народа и роли в развитии культуры человечества. Фольклористика имеет и важные научно-практические задачи: на основе изучения живых фольклорных процессов нашей современности выработать научные средства воздействия на эти процессы, а также способствовать пропаганде наиболее ценного фольклорного наследия, его усвоению и переработке в современной советской культуре.

Фольклористика в нашей стране развивается как самостоятельная дисциплина, имеющая свой предмет, свои задачи и методы, но она тесно связана с этнографией и литературоведением. Изучая народное поэтическое творчество как важнейшую часть культуры народа, исследуя формы его бытования, выражение в нем мировоззрения народа и пр., фольклористика теснейшим образом смыкается с этнографией. Фольклористы опираются на данные этнографии при объяснении многих фактов народной поэзии; успешное изучение некоторых видов народного творчества возможно только при комплексном подходе. Особенно важны этнографические аспекты в исследовании исторических корней и генезиса, а также в установлении традиций ряда жанров и произведений фольклора.

Укрепление методологических связей с литературоведением способствовало более глубокому вниманию к художественной, образной стороне народной поэзии, дало возможность фольклористам овладеть современными средствами анализа художественного содержания и формы произведений фольклора и закономерно вызвало постановку таких существенных проблем, как метод и стиль народной поэзии, реализм и типичность и др.

* * *

Для советской фольклористики на современном этапе развития характерны глубокий интерес к теоретическим проблемам, стремление к творческому их обсуждению и решению на основе конкретно-исторического анализа фактов и явлений народного творчества и материалистического понимания фольклорных процессов.

Этот интерес получает свое выражение как в специальных теоретических трудах, в дискуссиях и конференциях общего характера, так особенно в многочисленных работах по истории народного творчества. Как отмечается в «Записке», составленной коллективом ученых, «изу-

чение теории и истории фольклора должно вестись на материале фольклора всех народов СССР, а также других народов мира»¹.

Большую теоретическую важность для нашей науки представляет совокупность вопросов о природе, эстетической сущности и специфике фольклора. В конечном счете они сводятся к одной общей проблеме — фольклор и действительность. Нашей наукой проделана значительная работа по преодолению догматического подхода к этой проблеме, элементов упрощенного, иллюстративного ее толкования; пересмотрены, в частности, неверные взгляды на фольклор как сферу искусства, отличающуюся от литературы лишь внешними, непринципиальными особенностями. Основные усилия исследователей сейчас направлены на то, чтобы уяснить специфику фольклора, определяющую его место в истории мирового искусства.

Фольклор непосредственно выражает жизнь и представления народа в художественных формах, созданных и развиваемых самим народом; в этих формах своеобразно преломляется народное сознание в его историческом развитии. Методологическую основу понимания фольклора как искусства народных масс для советской фольклористики составляет марксистско-ленинское учение о народе, его мировоззрении и культуре².

Фольклор как художественное творчество народа исторически обусловлен во всех своих элементах, поэтому его эстетическую сущность и специфику необходимо исследовать в историческом плане. Это требование полностью относится и к проблеме коллективности, вокруг которой в последнее время ведутся плодотворные дискуссии. В упомянутой выше «Записке» коллектива ученых говорится: «Основным специфическим признаком фольклора большинство советских фольклористов считает коллективность творческого процесса. Другие признаки — устность, массовость, традиционность, вариантность, анонимность и др. — рассматриваются в органической связи с коллективностью»³. Коллективность проявляется на всех стадиях художественного процесса — при создании, совершенствовании и распространении произведений и во многом определяет как эстетику фольклора в целом, так и художественную сущность отдельных жанров, произведений, образов и т. д.

Как конкретно выражает себя коллективность в фольклорном творчестве, каковы ее исторические формы, как соотносится она с индивидуальным началом — по всем этим и другим вопросам в современной науке существуют разные точки зрения. Подчеркивается диалектическое единство коллективного и личного в фольклоре; большое внимание обращается на роль традиции в народном творчестве, на особый ее характер и специфические функции по сравнению с традицией и преемственностью в творчестве литературном. В работах последнего

¹ «Проблемы изучения народно-поэтического творчества (материалы к изучению проблемы)», «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1959, вып. 6, стр. 473. Сведения о теоретических работах по фольклору за послевоенный период приведены в библиографических трудах: «Русский фольклор, Библиографический указатель. 1945—1959». Сост. М. Я. Мельц, Л., 1961; М. Я. Мельц, Вопросы теории фольклора (материалы к библиографии), «Русский фольклор, Материалы и исследования», V, М.—Л., 1960; см также библиографию в следующих выпусках «Русского фольклора». Здесь и дальше авторы указывают не все работы, а преимущественно обобщающие и содержащие библиографические данные.

² См. Г. Фридендер, К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы, М., 1962; «В. И. Ленин и вопросы литературоведения», М.—Л., 1961; В. Е. Гусев, Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX в., М.—Л., 1961; В. Потявин, Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы фольклористики, «Русская народная поэзия», Горький, 1961, № 1.

³ «Проблемы изучения народно-поэтического творчества», стр. 477.

времени справедливой критике подвергается известное преувеличение роли сказочников и сказителей в традиционном фольклоре и отнесение на счет «личного начала» творческих изменений в нем. В то же время имелись высказывания, недооценивающие личное начало.

Предметом дискуссии является чрезвычайно сложный вопрос о законах создания фольклорных произведений на разных исторических этапах. Наряду с общераспространенной точкой зрения, согласно которой исходный вариант любого произведения фольклора создается одним лицом (автором), а затем коллективно разрабатывается, высказываются также мысли об изначально коллективном возникновении песен, сказок и т. д., что может быть типологически сопоставлено с процессами, происходящими в языке. В непосредственной связи с проблемой коллективности разрабатывается вопрос о природе фольклорных вариантов, представляющий большой теоретический интерес и имеющий прямое отношение к обширному кругу историко-фольклорных проблем⁴.

Общетеоретическое и методологическое значение имеет исследование художественного своеобразия фольклора: речь идет о соединении в народном творчестве собственно эстетических задач и аспектов с иными, внесстетическими, о синкретизме фольклора и о постепенном освобождении его от синкретизма, о связях (и характере этих связей) фольклора с мифологией, с верованиями и обрядами, с различными сферами народного знания, бытовой практики, трудовой деятельности, об утилитарных функциях отдельных видов фольклора и т. д. В работах последнего времени этот комплекс вопросов изучался не только в общетеоретическом плане, но и на материале отдельных, преимущественно архаических, жанров и памятников фольклора⁵.

Вполне закономерно большую актуальность приобрела проблема художественного метода в фольклоре. Обоснованной критике были подвергнуты механическое перенесение понятия «реализм» на народное творчество разных эпох и видов, утверждения о якобы «реалистической природе» фольклора в целом. На первый план выдвинулось изучение — во всей сложности и конкретности — принципов и особенностей изображения действительности в фольклоре. Можно считать установленным, что эти принципы и приемы исторически обусловлены и теснейшим образом связаны с жанровой природой произведений. Установлено также, что фольклорная эстетика и поэтика подчинены определенным закономерностям, среди которых есть как общие для всего фольклора, так и специфические для отдельных жанров. Изучение принципов и законов отражения действительности должно показать также, что от-

⁴ Проблемам коллективности посвящены работы: В. П. Аникин, Коллективность как сущность творческого процесса в фольклоре, «Русский фольклор. Материалы и исследования», V; его же, Об антиисторизме в изучении традиционного фольклора, там же, VI, 1961; Н. В. Новиков, О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике, преимущественно в сказковедении (ответ В. П. Аникину), там же; Е. Б. Вирсаладзе, Некоторые проблемы изучения фольклора. Проблема народности — одна из основных проблем советского искусствоведения, «Литературные разыскания Ин-та истории грузинской литературы им. Рушвела АН ГрузССР», X, 1956. Обзор разных точек зрения на проблему коллективности см. А. Астахова, Всесоюзное совещание фольклористов, «Сов. этнография», 1959, № 3.

⁵ См. Г. Д. Гачев, Ускоренное развитие литературы (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.), М., 1964; В. Е. Гусев, Проблемы фольклора в истории эстетики, М. — Л., 1963; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования), Л., 1963; В. Г. Базанов, Обряд и поэзия, «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963.

бирает фольклор из реальной жизни, на каких ее сторонах в первую очередь останавливается, как ее осмысляет и переосмысляет⁶.

Важнейшая теоретическая проблема — выяснение специфики разных фольклорных жанров, их определение и классификация. Исследования последних лет внесли определенный вклад в разработку этой проблемы. В большинстве своем это работы, посвященные отдельным жанрам, но в них обычно содержатся общетеоретические положения и выводы.

Существующие в науке опыты жанровой классификации и жанровых определений подвергнуты критическому пересмотру, выявлены основные их недостатки, в частности нарушение единства принципов, строгота критериев, описательность, нечеткость выделения жанров, отсутствие исторического подхода; при этом признаются и учитываются рациональные результаты прежних работ по изучению жанрового состава фольклора⁷.

В современных исследованиях признается, что фольклорный жанр может быть выделен и определен по совокупности признаков, характеризующих данную группу произведений с точки зрения единства формы и содержания. Некоторые ученые включают сюда также бытовую функцию. В отдельных работах на первый план выдвигаются признаки поэтики. При известных различиях исходные позиции здесь общие: жанры в фольклоре рассматриваются не как формальные категории, а различаются в первую очередь по их отношению к действительности. Каждый жанр представляет собою исторически сложившуюся систему; отдельные признаки могут быть общими для разных жанров, но они существуют и проявляются именно в системе. В работах последнего времени основное внимание сосредоточено на выявлении таких систем и на их историческом изучении. Обстоятельному исследованию подверглись такие жанры, как героические эпические песни разных народов, исторические песни, баллады, лирические песни, причитания, сказки, предания и легенды, загадки, пословицы. В теорию жанров много ценного внесли новейшие исследования по фольклору народов СССР. Значительно расширились научные представления о жанровом составе и жанровой специфике народного творчества. Одна из ближайших задач состоит в возможно более полном учете известных фольклорных жанров, в их сопоставительной характеристике и историко-сравнительном анализе. Назрела необходимость в составлении словаря (или каталога) жанров фольклора народов СССР.

Значительным теоретическим и методологическим достижением последнего времени явилась разработка проблем историко-сравнительного изучения фольклора. Аргументированной критике была подвергнута формалистическая компаративистика и такие ее проявления, как «эмпирическое сопоставление фактов фольклора... на основе чисто внешнего сходства, реального или мнимого, объяснение всякого сходства механически понимаемым влиянием без учета его предпосылок в местном историческом и специально литературном развитии и социально обусловленной переработки заимствованных „образцов”»⁸.

⁶ В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, «Русская литература», 1963, № 3; В. Е. Гусев, О художественном методе народной поэзии. «Русский фольклор. Материалы и исследования», V (там же дополнительная библиография).

⁷ О принципах классификации фольклорных жанров см. в статье В. Я. Проппа, публикуемой в этом номере журнала.

⁸ В. М. Жирмунский, Сравнительно-историческое изучение фольклора, «Проблемы современной фольклористики (авторефераты докладов)», Л., 1958, стр. 27.

Сравнительно-историческое изучение фольклора — методический прием исследования, важный для разрешения ряда проблем истории отдельных жанров и произведений народного творчества. Большое значение имела четкая дифференциация основных задач и соответствующих им типов сравнения: историко-генетического сравнения, устанавливающего международные культурные взаимодействия, и историко-типологического; каждый из этих типов сравнения применим к определенному кругу явлений и объясняет различные исторически сложившиеся виды фольклорных связей.

Применение историко-типологического сравнения оказалось особенно плодотворным в области изучения генезиса и истории героического эпоса и сказок. В новейших работах делаются успешные опыты сравнительно-исторического изучения народных преданий, баллад, исторических песен. В частности, таким путем устанавливаются важные моменты истории славянского фольклора, фольклора народов Средней Азии, Кавказа, Сибири и др.⁹ Принципиально важным явилось сравнительно-историческое изучение современного народного поэтического творчества¹⁰. Такой путь исследования может много дать для установления закономерностей развития фольклора в период строительства социализма и коммунизма, выявления в нем общего и национальной специфики.

Как особая задача выделяется изучение взаимосвязей фольклора и литературы. Проблема эта в основном литературоведческая, но она имеет большое значение и для понимания многих собственно фольклорных явлений. Она ставится в разных аспектах: фольклор как источник литературы, влияние литературы на фольклор разных периодов и жанров, использование фольклора в творчестве писателей, усвоение и переработка в фольклоре литературных произведений и пр.¹¹

Постановка широкого круга теоретических и историко-фольклорных проблем вызвала необходимость разработки вопросов фольклорной текстологии. В связи с этим встают вопросы специфики фольклорного текста, его отличия от текста литературного, его основных форм и проявлений. В работах, посвященных фольклорной текстологии, выделяются следующие разделы: филологическая критика текстов (харак-

⁹ В. М. Жирмунский, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962, и другие его работы; Б. Н. Путилов, Типологическая общность и исторические связи в славянских песнях-балладах о борьбе с татарским и турецким игом, «История, фольклор, искусство славянских народов...»; В. К. Соколова, О некоторых закономерностях развития историко-песенного фольклора у славянских народов, там же; Э. В. Померанцева, К вопросу о национальном и интернациональном начале в народных сказках, там же; Д. М. Балашов, Баллада о гибели оклеветанной жены (к проблеме изучения балладного наследия русского, украинского и белорусского народов), «Русский фольклор. Материалы и исследования», VIII, 1963; Ф. А. Рубцов, Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов, Л., 1962; М. Т. Рыльский, Г. С. Сухобрус, В. А. Юзвенко, В. О. Захаржевська, Українські думи і героїчний епос слов'янських народів, «Доповіді радянської делегації. V Міжнародний з'їзд славістів», Київ, 1963; П. В. Линтур, Народные баллады Закарпатья и их западнославянские связи, «Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», Киев, 1963; Т. В. Тресков, Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963; С. С. Каша, Опыт сравнительного изучения алтайского и казахского эпоса, Алма-Ата—Л., 1957; К. Сихарулидзе, О сравнительном изучении народных исторических произведений, «Вестник Отд-ния обществ. наук АН ГрузССР», 1961, № 3.

¹⁰ В. Е. Гусев, Партизанская народная поэзия у славян в годы второй мировой войны, «История, фольклор, искусство славянских народов...».

¹¹ См. статьи в книге «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI; П. С. Выходцев, Советская поэзия и народное творчество, М.—Л., 1964, и др. Проблемы взаимосвязей фольклора народов СССР и национальных литератур исследуются в трудах Е. Э. Бертеля, И. С. Брагинского, В. М. Жирмунского, А. Каюмова, А. А. Валитовой и др.

теристика записей и изданий, установление достоверности текстов, степени редакторского вмешательства и др.); выработка строго научных принципов и приемов современной записи произведений народного творчества, эдиционная текстология, определяющая типы, принципы и правила издания фольклорных текстов; текстология как комплекс принципов и приемов анализа фольклорных текстов в историко-фольклорных целях (установление отношений между вариантами, систематизация их по редакциям и версиям, вопрос о соотношении в них традиционного и личного, общенародного и местного, анализ исторического движения текстов и др.). Фольклорная текстология, с одной стороны, подготавливает возможность исторического изучения и научного издания памятников народного творчества, а с другой — является непосредственной частью такого исторического изучения¹².

На основе разработки фольклорной текстологии и тщательного изучения архивов подготавливаются и частично уже вышли в свет крупные научные публикации фольклорных памятников и вновь создаваемых произведений. К такого типа изданиям относится серия «Памятники русского фольклора», издаваемая Институтом русской литературы АН СССР, в которую входят публикации архивных материалов и текстов из малоизвестных изданий XVIII — начала XIX в.; критически пересмотренные и дополненные переиздания наиболее значительных собраний XIX в. и материалы экспедиций последних лет¹³. Большое научное значение имеет начатое издание полного свода русских исторических песен¹⁴. Переизданы проверенные по архивным материалам некоторые крупнейшие сборники (Кирши Данилова, А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Афанасьева); подготовлено к изданию значительно дополненное издание песен, собранных П. В. Киреевским.

Начато издание свода украинского фольклора «Українська народна творчість»¹⁵. Научные и научно-популярные издания произведений разных жанров выходят в большинстве союзных и автономных республик¹⁶. Сборники эти, как правило, содержат критически проверенные

¹² См. К. В. Чистов, Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов, М., 1963; Б. Н. Путилов, Современная фольклористика и проблемы текстологии, «Русская литература», 1963, № 4; е го же, Вопросы текстологии произведений русского фольклора. В сб.: «Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта», М., 1963.

¹³ «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль, М.—Л., 1960; «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в.». Сост., вступ. статья и комм. Н. В. Новикова, М.—Л., 1961; «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. Д. Иванничком в Вологодской губернии». Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова, Вологда, 1960; «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова». Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. А. Алексеева; М.—Л., 1964; «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)». Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов, М.—Л., 1961; «Песни Печоры». Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов и Б. М. Добровольский, М.—Л., 1963.

¹⁴ Вышел первый выпуск: «Исторические песни XIII—XVI веков». Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский, М.—Л., 1960.

¹⁵ Вышли два тома: «Історичні пісні», Київ, 1961, и «Загадки», Київ, 1962.

¹⁶ Так, в Белоруссии издается четырехтомное собрание народных песен «Беларускія народныя песні», подготовленное Г. Р. Ширмой; вышли три тома (Минск, 1959—1962). В Латвии изданы сборники избранных произведений основных жанров латышского фольклора: песен (два тома); революционных песен; сказок; преданий; загадок; пословиц и поговорок, анекдотов. Сборники сказок, преданий и анекдотов переведены на русский язык. Начато издание свода латышских песен; вышел из печати первый том, посвященный трудовым песням («Latviešu tautas musika», I — «Darba dziesmas», Rīgā, 1958). В Литве подготовлено научное издание литовского песенного фольклора «Dainos» (в 1963 г. в Вильнюсе вышел первый том). Изданы также сборники сказок, преданий, пословиц и поговорок, малых жанров литовского фольклора

тексты, систематизируют их, вводят в научный обиход новые произведения и варианты и тем самым способствуют дальнейшему углубленному изучению народной поэзии.

* * *

При изучении традиционного фольклора возникают разные задачи. Фольклор изучается как своеобразное искусство слова, составляющее неотъемлемую принадлежность народного быта и культуры, как важнейший материал для изучения мировоззрения и социально-политических взглядов широких масс трудящихся в разные исторические периоды; как историко-этнографический источник; как один из основных источников национальной художественной литературы и др. В зависимости от поставленных целей исследования ведутся в разных аспектах, но для всех их характерен исторический подход к народному поэтическому творчеству и учет его художественного своеобразия.

Конечная цель исторического изучения фольклора — создание его истории, установление общих закономерностей его развития. Опыт рассмотрения русского фольклора по историческим периодам был сделан в «Очерках по истории русского народного поэтического творчества»¹⁷. Авторы их — коллектив фольклористов Пушкинского дома — не только обобщили накопленный материал, но и частично ввели новый, пересмотрели существующие трактовки его и, что особенно важно, должны были решить ряд теоретических проблем, дать периодизацию истории русского фольклора. Явившись известным этапом в историческом изучении русского фольклора, «Очерки» в то же время выявили существующие пробелы, показали необходимость разработки методологии исторического исследования фольклора и более глубокого изучения отдельных жанров разных периодов. Такие же результаты дали и обобщающие труды по фольклору других народов СССР.

XVII—XVIII вв. и антирелигиозного фольклора. Грузинские фольклористы заняты подготовкой академических сборников образцов грузинской поэзии разных жанров; в течение пяти лет намечено издать не менее десяти томов. Туркменские фольклористы начинают подготовку к изданию свода (примерно 20 томов). Академия наук Армянской ССР издает «Армянские народные сказки»; в Азербайджане издается серия «Азербайджанские сказки»; начато издание народных дастанов (в пяти томах). В Башкирии издается академический свод башкирского фольклора («Башкорт халк ижады»); вышли три тома: I — Традиционный фольклор, Уфа, 1954; II — Сказки, 1959; III — Советский фольклор, 1955. В Татарии издан труд «Татарское народное творчество» («Татар халык ижаты», Казань, 1957) и сборник баитов «Баетлар», Казань, 1960).

Из научных и научно-популярных изданий эпоса и лиро-эпических песен народов СССР можно отметить: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод акад. В. В. Бартольда. Изв. подгот. В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962; «Фазыл Юлдаш оглы. Алпамыш», Ташкент, 1957 (на узбек. яз.); «Узбек халк достонлари», Ташкент, т. I—1956, т. II—1957; «Гʻорголы», Ашгабат, 1958 (на туркмен. яз., сводный текст); «Манас», т. I—II, Фрунзе, 1958; «Семетей», Фрунзе, 1959; «Сейтек», Фрунзе, 1960 (на киргиз. яз.); «Батырлар жыры», Алматы, 1962; «Алпамыс батыр. Тексты и переводы», Алма-Ата, 1961; Ч. В а л и х а н о в. Исторические предания о батырах XVIII в. Избр. произв., Алма-Ата, 1958; «Аламжа Мэргэн», Абакан, 1959 (на хакас. яз.); Н. Ф. К а т а н о в, Хакасский фольклор, Абакан, 1963; Г. Д. С а н ж е е в, Кызыльская рукопись монгольской эпической повести «Хан-Харангуй», «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960; М. Я. Ч и к о в а н и, Грузинский эпос. Исследование и тексты, Тбилиси, 1960; «Нарты. Эпос осетинского народа», М., 1957; «Давид Сасунский. Армянский народный эпос», М., 1958; «Китаби-Дэдэ Горгуд», Баку, 1960 (на азербайдж. яз.); «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. I — «Эпические и лиро-эпические песни», Саранск, 1963.

¹⁷ «Русское народное поэтическое творчество», М.—Л., т. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков», 1953; т. II, кн. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века», 1955; т. II, кн. 2 — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века», 1956.

В качестве первоочередной задачи было выдвинуто изучение отдельных жанров в их развитии. Именно в исследованиях по отдельным жанрам, и прежде всего по эпосу, ставились и разрешались те теоретические проблемы, о которых говорилось выше. Вместе с тем ведется плодотворное изучение отдельных сюжетов, циклов, образов, поэтики и др.

Более или менее полная картина народного поэтического творчества разных эпох может быть представлена лишь тогда, когда будут изучены все без исключения жанры в их взаимодействии и связях. Практически же внимание к разным жанрам было далеко не одинаковым. Больше всего исследований посвящено произведениям и жанрам с исторической тематикой — героическому и историческому эпосу, преданиям. Это вызвано не только значительностью содержания и высокими художественными достоинствами этих жанров, их ролью в народной культуре. С точки зрения истории фольклора они представляют и специальный интерес. Одна из сложнейших задач — установление времени возникновения тех или других произведений и жанров. Произведения с исторической тематикой благодаря упоминанию в них исторических событий и имен легче соотносятся с историей народа и поддаются хронологическому приурочению (хотя и здесь трудности велики, так как исторические реалии не всегда могут служить надежным ориентиром для определения времени создания произведения). Выяснение же для каждого исторического периода специфики отношения фольклора к действительности, принципов художественного ее отображения, установление соответствующего каждой эпохе комплекса идей, образов и поэтических средств может послужить известным ориентиром и для хронологического приурочения произведений и жанров не исторических, что более сложно.

Изучение героического и исторического эпоса народов СССР является одной из основных тем, над которой работают ученые многих республик. В последние годы преодолены некоторые неверные тенденции — рассматривать отдельные эпические сказания как якобы антинародные. Здесь положительную роль сыграли специальные научные совещания: по «Алпамышу» (Ташкент, 1956)¹⁸, «Кузы-Курпяс и Маян-Хылу» (Уфа, 1962)¹⁹, нартскому эпосу (Сухуми, 1963) и др. Углубленное изучение эпических произведений, основанное на учете их художественного и исторического своеобразия, раскрыло подлинно народную основу таких крупнейших творений, как «Манас», «Алпамыш» и др. Обнаружены и изучены эпические произведения у народов, эпос которых ранее был мало известен (например, у башкир). Национальные версии эпических сказаний, бытующих у ряда народов (например, «Кер-Оглы» у тюркоязычных народов, нартский эпос у народов Северного Кавказа и др.), рассматриваются в их взаимосвязи, причем в них выделяются как общие, так и специфические национальные черты.

Исследуются в широком сравнительном плане происхождение эпоса, его истоки и ранние формы, условия бытования, поздние судьбы²⁰.

¹⁸ Материалы совещания см.: «Об эпосе «Алпамыш». Материалы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент, 1959.

¹⁹ См. А. А. В а л и т о в а, Научная сессия, посвященная 150-летию первой публикации башкирского народного эпоса «Кузы-Курпяс и Маян-Халу», Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1963, вып. 2.

²⁰ Из исследований последних лет, посвященных эпосу, можно назвать: В. М. Ж и р м у н с к и й, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; его же, Народный героический эпос, и другие работы; Е. М. М е л е т и н с к и й, Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963; «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958; Б. П. К и р д а н, Украинские народные думы; М., 1962;

Эпос рассматривается также как ценный историко-этнографический источник, сохранивший память об исторических фактах, о быте и социальных отношениях далекого прошлого. На основе сопоставления версий эпических сказаний устанавливаются этногенетические и историко-культурные связи²¹.

Продолжается исследование русских былин, причем высказаны разные точки зрения, касающиеся понимания особенностей их историзма²². В трудах, посвященных русским историческим песням, выясняются их истоки, ранние формы, особенности песен разных периодов, состав циклов, характер образов и пр.²³ Возникает вопрос, являются ли исторические песни едиными в жанровом отношении или же это произведения разных жанров, выделяемые лишь по признаку исторической тематики. Ряд исследователей склоняется сейчас к последнему мнению. Но для окончательного решения вопроса о жанровом своеобразии исторических песен необходимо дальнейшее изучение их поэтики и музыкальных особенностей.

Тесное содружество фольклористов, филологов и музыковедов при изучении песенных жанров необходимо. Однако оно, к сожалению, осуществлялось далеко не всегда. В последние годы начали появляться работы, в которых песни рассматриваются как неразрывное художественное единство, что дает возможность глубже раскрыть их специфику, обоснованнее выделить разные виды и жанры²⁴. Ведутся поиски новых принципов классификации песен, исследуются их образность,

В. Я. Евсеев, Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 1—2, М.—Л., 1957—1960; И. В. Пухов, Якутский героический эпос Олонхо, М., 1962; А. И. Уланов, Бурятский героический эпос, Улан-Удэ, 1963; «Киргизский героический эпос „Манас“» (сб. статей), М., 1961; К. Максетов, Кырк-кыз. Нукус, 1962 (на каракалпак. яз.); И. Т. Сагитов, Каракалпакский героический эпос, Ташкент, 1962; С. С. Суразаков, Героический эпос алтайцев, «Уч. зап. Горно-алтайского н.-и. ин-та истории, языка и лит.-ры», 1958, вып. 2; Кирэй Мэргэн, Башкорт халкынын эпик комарт-кылары, ӨФӨ 1961; А. А. Валитова, Татарская версия эпоса «Алпамыш», «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960; Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий эпос (древнейшие циклы). Автореф. докторской диссертации, Тбилиси, 1963; Г. Григорян, Армянский героический эпос, Ереван, 1960; И. Орбели, Армянский героический эпос, Ереван, 1956; «Эпос «Калевипоэг». Отв. ред. Э. Лаугасте, Тарту, 1963.

²¹ Специально как историко-этнографический источник эпос рассматривается в работах: Т. А. Жданко, Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-кыз» как историко-этнографический источник, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXX, М., 1958; Л. В. Гребнев, Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа), М., 1960; Н. О. Шаракшинова, К вопросу о пережитках матриархата в героическом эпосе бурят, «Филология и история монгольских народов», М., 1958.

²² В. Я. Пропп, Русский героический эпос, 2-е изд., Л., 1958; М. М. Плисецкий, Историзм русских былин, М., 1962; его же, Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса, М., 1963; Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, М., 1963; «Былины», в двух томах. Подгот. текста, вступ. статья и комм. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, М., 1958; «Илья Муромец». Подгот. текстов, статья и комм. А. М. Астаховой, М.—Л., 1958; В. Чичеров, Вопросы теории и методики народного творчества, М., 1959; Р. Липец, М. Рабинович, К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей), «Сов. этнография», 1960, № 4; А. М. Астахова, Народные сказки о богатырях русского эпоса, М.—Л., 1962 и др.

²³ Б. Н. Путилов, Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков, М.—Л., 1960; его же, К вопросу о составе разинского песенного цикла, «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI; Л. С. Шептаев, Историко-бытовые черты в песнях разинского цикла, там же; Э. С. Литвин, Русская историческая песня XIX века, там же; В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI—XVIII вв., М., 1960 и другие работы.

²⁴ Б. М. Добровольский, К вопросу об изучении народного музыкально-поэтического творчества, «Сов. этнография», 1961, № 3; И. И. Земцовский, О взаимосвязи текста с напевом русской протяжной лирической песни, «Русский фольклор. Материалы и исследования», V; Л. Кулаковский, Песня, ее язык, структура, судьба, М., 1962; Л. Н. Лебединский, Башкирские народные песни, Уфа, 1961.

символика, бытовые функции и пр.²⁵ В таком же плане изучается и частушка²⁶.

В последнее время внимание исследователей все больше привлекают баллады, занимающие в фольклоре многих народов, в частности славянских, значительное место. Они были изучены очень слабо, четкого определения их не было и даже правомочность выделения их как особого жанра подвергалась сомнению. Объясняется это своеобразием баллад, занимающих как бы промежуточное положение между эпосом и лирикой. Работы последних лет убедительно показали, что баллады имеют право и на самостоятельное изучение. Предложены их новое определение и классификация, исследуются распространение и национальные особенности балладных сюжетов, общих для всех славян²⁷. Дальнейшее изучение должно уточнить жанровую природу баллад. Такие же проблемы возникают при рассмотрении некоторых сходных по своему отношению к эпосу и лирике жанров фольклора народов СССР, например татарских байтов.

Известные успехи достигнуты в изучении сказок. Имеется ряд исследований, в которых поднимаются такие существенные проблемы, как происхождение и смысл сказочных сюжетов и образов, их межнациональные связи и национальное своеобразие, развитие сказки в XVIII—XX вв., ее судьбы в современности, функции и приемы рассказывания сказок²⁸. Однако обобщающих работ по сказкам отдельных народов и в сравнительно-историческом плане еще немного (так же, как и по лирическим песням). Создание таких работ — одна из очередных задач.

Все больше фольклористы начинают интересоваться преданиями и легендами. Они рассматриваются прежде всего в плане мировоззренческом (например, для характеристики социально-утопических идеалов русского крестьянства XVIII—XIX вв.) и как исторический источник. Но перед исследователями неизбежно встала необходимость жанровой дифференциации материалов, выделения разных типов устных рассказов: собственно преданий, легенд и др.; делаются попытки разграничения их по отношению к действительности²⁹.

²⁵ Н. П. Колпакова, Русская народная бытовая песня, М.—Л., 1962 и др.

²⁶ С. Г. Лазутин, Русская частушка. Вопросы происхождения, Воронеж, 1960.

²⁷ См. Д. М. Балашов, Русская баллада, Л., 1962 (Библиотека поэта. Большая серия), а также указанные ранее работы П. В. Лингура и Б. Н. Путилова.

²⁸ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958; В. П. Аникин, Русская народная сказка, М., 1959; Э. В. Померанцева, Русская народная сказка, М., 1963; О. Амбайнис, Вопросы формирования сюжетов и образов в латышских бытовых сказках, Труды Ин-та языка и литературы АН Латв. ССР, т. II, 1959; У. С. Конкка, Карельские народные сказки, М.—Л., 1963; Е. В. Баранникова, Бурятская сатирическая сказка, Улан-Удэ, 1963; М. Э. Джимгиров, Народные калмыцкие сказки (к вопросу их классификации), «Вестник Калмыцкого н.-и. ин-та языка, литературы и истории», историко-филологич. серия, Элиста, 1963.

²⁹ К. В. Чистов, Легенды о Беловодье, Труды Карельского филиала АН СССР, «Вопросы литературы и народного творчества», вып. 35, Петрозаводск, 1962; его же, Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., «История, фольклор, искусство славянских народов...»; его же, К вопросу о принципах классификации жанров народной прозы. Доклад на VII Международном конгрессе антропологич. и этнографич. наук, М., 1964; Л. Е. Элиасов, Русский фольклор Восточной Сибири, ч. II — Народные предания, Улан-Удэ, 1960; Ф. В. Тумилевич, Сказки и предания казаков-некрасовцев, Ростов-на-Дону, 1961; «Предания реки Чусовой». Сост. и автор статей В. П. Кругляшова, Свердловск, 1961; «Исторические предания и рассказы якутов». Изд. подгот. Г. У. Эргис, ч. 1—2, М.—Л., 1960—1961; «Мифологические сказки и исторические предания энецов». Записи, введение и комм. Б. О. Долгих, М., 1962; «Латышские народные предания». Вступ. статья и комм. А. Анцелане, Рига, 1962; Б. Кербелите, Литовские предания об исчезнувших городах, «Сов. этнография», 1963, № 5; «Сказания и легенды». Под ред. и с предисл. М. Я. Чиковани, Тбилиси, 1963.

При изучении традиционного народного творчества явно недостаточное внимание уделялось фольклору обрядовому, связанному в прошлом с мифологическими представлениями и выполнявшему магические функции. Это приводило к обедненному, а порою и неверному представлению о фольклоре и мировоззрении народа в прошлом. Нельзя забывать, что исследование обрядового фольклора имеет большое значение для борьбы с религиозными пережитками и выработки безрелигиозных обрядов. В последнее время в отношении к обрядовому фольклору наметился некоторый сдвиг³⁰. Задача ученых — раскрыть смысл и специфику жанров обрядового фольклора, их связь с общей фольклорной традицией и трудовыми процессами, показать постепенное освобождение их от религиозно-магических представлений, выделить в обрядах чисто развлекательные элементы, которые могут быть использованы при создании новых, безрелигиозных обрядов.

Важное значение придается изучению рабочего фольклора. Особо выделять его заставляют не только своеобразие материала, место и роль его в развитии народного поэтического творчества, но и важность этого фольклора для понимания формирования революционного сознания у рабочих. В последнее время интерес к рабочему фольклору заметно возрос. Специальная конференция, проведенная в 1962 г. в Свердловске, показала состояние разработки отдельных видов и жанров рабочего фольклора, выявила слабые места и наметила задачи дальнейших исследований³¹.

Наиболее изученными оказались песенные жанры рабочего фольклора. Учет и систематизация материалов и проведенные исследования дают возможность делать теоретические обобщения и выводы. Установлены основные периоды развития рабочей песни, и сейчас ставится задача более углубленного рассмотрения каждого периода, выявления идейно-художественного своеобразия песен и их связей с крестьянской и городской песней. Стало ясно, что рабочую песню можно изучать только в связи с русской песней в целом, так как линии развития здесь общие. Прозаические жанры рабочего фольклора изучены слабее, и работы по ним носят в основном описательный характер. Однако и в отношении их уже ставятся существенные вопросы. Ценны в теоретическом плане опыты сравнительного сопоставления сказов рабочих разных стран Европы³². Оно показывает, что процесс формирования сознания рабочих протекал в основном одинаково; у них было и одинаковое отношение к действительности, что порождало типологически сходные образы, ситуации, художественные приемы.

³⁰ См. В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники; А. М. Астахова, Художественный образ и мировоззренческий элемент в русских заговорах. Доклад на VII Международном конгрессе антропологич. и этнографич. наук, М., 1964; Н. М. Никольский, Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, Минск, 1956; Р. Кадыров, Дореволюционный обрядовый фольклор таджиков бассейна Кашка-Дарьи, Душанбе, 1963; Р. А. Шерхунев, Антишаманские мотивы в бурятском устном народном творчестве, Иркутск, 1963.

Изучение обрядового фольклора проводится у ряда народов, и результаты его довольно широко представлены в докладах для VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (по белорусским, грузинским, таджикским, татарским обрядам и песням).

³¹ См. Н. С. Полищук, Научная конференция по рабочему фольклору, «Сов. этнография», 1963, № 5.

³² Р. Р. Гельгардт, О сравнительном изучении рабочего фольклора, «Сов. этнография», 1962, № 5; его же, Фантастические образы горняцких сказок и легенд (К типологической характеристике старого рабочего фольклора), «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI.

В методологическом отношении интерес представляет работа, проводимая Институтом этнографии АН СССР в Нижнем Тагиле: при этом фольклор рассматривается как существенная часть исследования культуры и быта рабочих. Он изучается по поколениям, что дает возможность показать его в развитии; сделана попытка исследовать фольклор разных групп населения дореволюционного Тагила (заводские рабочие, горняки, ремесленники и др.) в его взаимодействии и связях с крестьянским фольклором. Такой подход к собиранию и изучению фольклора дает возможность, например, раскрыть процесс перековки крестьянского сознания в рабочее, формирование нового мировоззрения.

Заслугой советской фольклористики явилось изучение творческого метода мастеров фольклора, выделение различных школ сказителей (работы В. И. Чичерова о школах сказителей Заонежья, В. М. Жирмунского о школах среднеазиатских эпических певцов). Показано, как в творчестве выдающихся мастеров фольклора своеобразно выражается мировоззрение народа в исторически конкретный период, выясняются специфические формы создания и бытования фольклора у разных народов (например, поэтические состязания акынов — айтысы и др. у народов Средней Азии), изучается мастерство рассказчиков и певцов³³. Сказительство предстает, таким образом, как явление истории фольклора. Изучение его много дает для понимания сущности и форм бытования народного поэтического творчества в разные периоды.

Развернувшаяся во всех республиках и областях работа по собиранию и изучению фольклора открывает широкие перспективы для использования его в исторических и историко-этнографических работах³⁴. Однако как историко-этнографический источник фольклор используется еще недостаточно, имеющиеся возможности реализованы далеко не полностью. Необходимо разработать принципы и методику такого использования с учетом художественного своеобразия фольклора.

Разработка теоретических проблем и методологии, накопление значительного материала и опыта дали возможность советским ученым по-новому подойти к изучению зарубежного фольклора. Он привлекается в плане сравнительном (о чем уже говорилось) и пр. Специальные исследования ведутся по славянскому фольклору. Много по изучению фольклора и изданию памятников делают востоковеды, африканисты, специалисты по Латинской Америке³⁵. Краткие обобщающие очерки

³³ К. В. Чистов, Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества, Петрозаводск, 1955; Ф. И. Лавров, Остап Вересай, Киев, 1960; Е. Исмаилов, Акындар, Алматы, 1956; К. Аимбетов, О каракалпакских народных сказителях, «Изв. АН КазССР», серия филологическая, Алма-Ата, 1960, вып. 2(15); И. Ф. Кокоров, Хакасский народный хайджи, «Вопросы хакасской филологии», Абакан, 1962; М. А. Фазалов, Жизнь и творчество Пулкан Шаира, Ташкент, 1955; Т. Араслы, Ашыг жарадычылыгы, Баку, 1958, и др.

³⁴ Так, фольклор широко использован в работах: Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир (исторические предания, шеджере), Уфа, 1957; С. М. Абрамзон, Этногенетические связи киргизов с народами Алтая, М., 1960.

³⁵ См. «Сербский эпос». Сост., вступ. статьи и комм. Н. И. Кравцова, тт. I—II, М., 1960 и другие работы Н. И. Кравцова; «Эпос сербского народа». Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов, М., 1963; П. Г. Богатырев, Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни («Збойницкий цикл»), М., 1962, и др. В последнее время изданы памятники эпоса зарубежных народов: «Махабхарата». Перевод, предисл. и примеч. Б. Л. Смирнова, 5 томов, Ашхабад, 1959—1962; «Эпос о Гильгамеше». Перевод И. М. Дьяконова, М.—Л., 1961; «Ирландские саги». Перевод, вступ. статья и комм. А. А. Смирнова, М.—Л., 1961; «Старшая Эдда». Перевод А. И. Корсуна, ред., вступ. статья и комм. М. И. Стеблина-Каменского, М.—Л., 1963. Издано много сборников сказок народов Азии, Африки и Латинской Америки. См. также библиографию в кн. «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI.

по фольклору разных народов даны в издаваемой Институтом этнографии АН СССР серии «Народы мира». Углубленное же изучение фольклора разных стран мира — дело будущего.

* * *

Важнейшая задача советской фольклористики — исследование современного состояния народного творчества. Известная дискуссия 1953—1955 гг., при всех своих недостатках, имела определенное положительное значение. Она выявила основные точки зрения фольклористов на проблемы современного народного творчества; в ходе ее подверглись критическому пересмотру некоторые научные заблуждения и догмы. Дискуссия показала настоятельную необходимость пристального изучения живых фольклорных процессов, собирания и осмысления подлинных фактов, разработки теории. «...Завоеванием дискуссии 1953—1955 годов было, во-первых, признание необходимости критического, дифференцированного отношения ко всему тому пестрому, разностильному и неравноценному материалу, который представал до этого под общим названием народно-поэтического творчества; во-вторых, признание необходимости уточнить понятие коллективности как основного признака советского фольклора, с учетом новых форм проявления этой коллективности в ее диалектической связи с индивидуальным творчеством; в-третьих, установление нового характера взаимоотношений между фольклором и литературой, признание того факта, что между ними стираются идейно-художественные различия и усиливается процесс взаимодействия»³⁶. В последующих работах наметился новый подход к проблемам современного народного творчества, связанный с важнейшим переломом в жизни советского общества после XX съезда КПСС. Еще одна дискуссия по этим проблемам (1959—1961 гг.) и исследования последнего времени свидетельствуют об углублении наметившегося основного направления.

Советские фольклористы проделали определенную работу по критическому преодолению последствий культа личности Сталина в понимании современного народного творчества, выразившихся в декларативных заявлениях о сплошном «расцвете» советского фольклора, в пропаганде под видом подлинно народного творчества псевдохудожественных произведений, в искажении реальной картины живых фольклорных процессов и содержания нового творчества.

Дискуссия ясно показала, что серьезно говорить о современном фольклоре нельзя без внимательного научного изучения конкретного материала. В последние годы фольклористические учреждения страны организовали ряд экспедиций с целью изучения современного состояния народного творчества. Как правило, экспедиции стараются изучать живое народное творчество во всем его многообразии (творчество традиционное и новое) — в связи с общими культурными процессами в жизни народа. Как пример можно указать программу экспедиции Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Костромскую область в 1959—1960 гг. «Перед экспедицией ставилась задача изучения современного состояния народного творчества в различных условиях его бытования в связи с современной жизнью трудящихся и их бытом, в соотношении с местными фольклорными тради-

³⁶ В. Гусев, Две дискуссии, «Русская литература», 1962, № 4, стр. 189. В этой статье дается критический обзор дискуссий по современному фольклору с указанием основной библиографии.

циями, в комплексе с другими элементами духовной культуры населения»³⁷.

Широко развернулась работа по собиранию фольклора во всех союзных и автономных республиках и областях, причем в большинстве из них последовательно обследуются район за районом. Так, например, осуществляет свою деятельность отдел фольклора Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР, который имеет и большую сеть местных корреспондентов³⁸. Так же ведется работа в других прибалтийских республиках, в республиках Средней Азии, Казахстане, на Кавказе, в Башкирии, Татарии, Карелии, Бурят-Монгольской АССР, Горно-Алтайской области и др. Грузинские фольклористы закончили экспедиционное обследование Восточной Грузии, где фольклорная традиция сохраняется больше, и перешли к обследованию западных районов. В результате сейчас уже можно представить ясную картину современного состояния фольклорной традиции у большинства народов Советского Союза.

Многие экспедиции проводятся как комплексные; в них принимают участие не только фольклористы, но и этнографы, специалисты по народному искусству и др. Такая комплексная экспедиция была, например, проведена Институтом этнографии и Институтом истории искусств АН СССР в Приангарье и Забайкалье; на основе ее материалов составлен сборник «Быт и народное искусство русского населения Восточной Сибири». Фольклорные материалы собирают и другие экспедиции Института этнографии, в частности отряды, работающие среди малых народов Севера; Прибалтийская комплексная экспедиция одной из своих задач имеет и изучение русского фольклора в Прибалтике, и т. д. Совместная работа фольклористов, этнографов и искусствоведов дает возможность глубже понять процессы, происходящие в народном творчестве, и связь их с изменениями в быту и культуре советских людей.

Экспедиции собрали большой материал, характеризующий состояние и судьбу фольклорной традиции и ее место в современной народной культуре. Изучались новые формы массовой художественной самодеятельности, фольклорные элементы в ней. Благодаря материалам, собранным экспедициями, некоторые положения, высказывавшиеся в ходе дискуссии, были подтверждены конкретными материалами, другие же, напротив, отвергнуты. В публикуемых за последнее время научных экспедиционных отчетах не только даются фактические сведения, но и поднимаются принципиальные вопросы, делаются обобщения и существенные выводы³⁹.

На основе новых записей и систематизации архивных материалов стали появляться научные публикации по современному народному

³⁷ «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI, стр. 125.

³⁸ См. С. Х. Лятт, О собирании произведений народного творчества Литературным музеем АН Эстонской ССР, «Сов. этнография», 1963, № 5.

³⁹ См., например, отчеты экспедиции в Костромскую область: «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI; В. Е. Гусев, Опыт изучения современного состояния народного творчества, «Сов. этнография», 1960, № 2; его же, О современном народно-поэтическом творчестве (по материалам фольклорной экспедиции в Костромскую область), «Русская народная поэзия. Фольклористические записки Горьковского гос. университета», 1961, № 1; Н. Колпакова, На Печоре, «Сов. этнография», 1958, № 6; Ю. Новиков и Ю. Смирнов, Северные экспедиции кафедры фольклора Московского гос. университета, там же, 1960, № 4; В. В. Митрофанова, С. Н. Азбелев, Фольклорная экспедиция Пушкинского дома в 1961 г., там же, 1963, № 1 и другие отчеты в этом журнале; см. также отчеты об экспедициях кафедры фольклора Московского университета в «Вестнике МГУ».

творчеству и опыты фольклорных антологий⁴⁰. Задача советских фольклористов — в ближайшее время учесть, систематизировать и обобщить весь имеющийся материал по народно-поэтическому творчеству советской эпохи и дать серию сборников лучших произведений советского фольклора, которые показали бы его развитие, идейное и художественное своеобразие.

Одна из важных задач — осмысление исторического пути народного творчества советской эпохи, исследование основных, наиболее значительных его этапов. Все еще недостаточно изучено народное творчество периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Многие предстоит еще сделать в собирании и изучении народного творчества о В. И. Ленине.

На одно из первых мест выдвинулось изучение фольклора Великой Отечественной войны. Тема эта имеет большое общественное и теоретическое значение: советские ученые стремятся, с одной стороны, увидеть в народном искусстве отражение великой борьбы народов нашей страны против фашизма, отражение чувств и мыслей советских людей, а с другой — изучить живой фольклорный процесс, выявить те закономерности, которые характеризуют развитие и судьбу народного творчества в годы войны. Показателен в этом плане коллективный труд Пушкинского дома, посвященный народному творчеству во время Великой Отечественной войны⁴¹. Он демонстрирует характерный для нашего времени подход к проблеме современного народного творчества, понимание задач, методики, границ предмета.

Авторы этого труда исходят из представления о широком развитии в советской культуре профессионального и самодеятельного искусства народных масс в его различных формах и выражениях. Фольклор — «устное коллективное музыкально-поэтическое творчество» — является одним из видов массового самодеятельного художественного творчества. При этом имеется в виду «фольклор в его новой исторической формации». Авторы предостерегают от традиционного подхода к новому материалу, от представлений о некоей неизменной «фольклорной форме»; они предлагают учитывать живые факты, не укладывающиеся в привычную схему, и рассматривать реальные явления во всей их сложности. Вместе с тем «фольклор» авторы коллективного труда не отождествляют с более широким понятием «народное творчество», включающим не только фольклорные формы, но и художественную самодеятельность в целом, массовое индивидуальное литературное творчество, деятельность сказителей (равно как и популярные произведения советских поэтов). Данная концепция получила свое выражение также в ряде теоретических выступлений, статей, исследований по конкретным вопросам.

⁴⁰ Например: «Песни Печоры»; «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера». В записях В. Г. Базанова и А. Н. Разумовой, М.—Л., 1962; «Воронежские народные песни». Сборник фольклорных записей студентов под ред. С. Г. Лазутина, Воронеж, 1962, и др. Значительное количество произведений современного фольклора опубликовано на Украине (помимо специальных сборников материалы по современному фольклору здесь регулярно помещаются в журнале «Народна творчість та етнографія»), в Белоруссии (например, «Сучасны беларускі фальклор». Склаў І. В. Гутораў, Мінск, 1963). Советскому фольклору посвящен вып. III сводного академического издания башкирского фольклора. Изданы: «Ўзбек халқ шоирлерининг совет довридаги ижоди», Тошкент, 1958 (Творчество узбекских народных поэтов советского периода); «Қазақ әдебиетінің тарихы. Қазақтың халық әдебиеті», II китап — «Совет дәуірі», Алматы, 1964 (История казахской литературы. Казахское народное творчество, т. II — Советский период).

⁴¹ «Русский фольклор Великой Отечественной войны», М.—Л., 1964. Той же теме посвящен коллективный труд белорусских фольклористов «Беларускі фальклор Вялікай Атчыннай вайні», Мінск, 1961.

Современное народное поэтическое творчество — явление очень сложное. Наряду с современным фольклором в полном смысле этого слова в нем сохраняется традиционное наследие и развиваются полупрофессиональные — полупрофессиональные виды поэтического творчества народных масс и т. п. Необходимость отчетливой дифференциации словесного (и словесно-музыкального) искусства нашего времени как одного из условий успешного изучения современного фольклора осознается сейчас многими. Есть предложения сохранить термин «фольклор» лишь для определенных видов современного коллективного народного творчества. Выделение собственно фольклорных явлений, изучение их специфики безусловно остается одной из актуальных задач современной фольклористики. Это требует вдумчивого, основанного на специальной методике анализа обширного материала, который далеко еще не весь учтен и не стал достоянием нашей науки.

В фольклористике явно проявляется и другая тенденция — рассматривать современное массовое художественное творчество, художественную самодетельность в целом, без дифференциации ее. При этом ссылаются на некоторые общие признаки, в том числе на массовое создание и бытование разных форм самодетельного искусства; принадлежность их народным массам. Такое расширительное толкование фольклора и вытекающее из него понимание границ фольклористики пока еще не получило конкретной разработки в специальных исследованиях; в какой мере правомерна и плодотворна такая постановка вопроса — должно показать будущее⁴².

Некоторые исследователи, признавая сложный характер современной народной художественной культуры, наличие в ней не только фольклорных, но и иных форм, в то же время подчеркивают, во-первых, невозможность (особенно в наше время) выделения из этого сложного состава «в химически чистом виде» фольклорных явлений и, во-вторых, неправомерность сосредоточения внимания лишь на этих явлениях. Фольклористика, по их мнению, должна изучать поэтическую жизнь народа, историю народной поэтической культуры во всех ее формах и изменениях, выяснять их соотношение в быту народа, их взаимодействие; уловить направление развития народной поэтической культуры. Этим определяются требования к методике, к принципам отбора материала, к программам экспедиционной работы и т. д.⁴³ В противоположность этому высказывается точка зрения, согласно которой современные явления массовой художественной культуры должны стать прежде всего объектом не научно-фольклористического исследования (фольклористика со своей сложившейся методикой не может быть эффективно приложена к такому материалу), а широкой методической помощи и руководства со стороны соответствующих художественных учреждений и организаций⁴⁴.

К проблемам современного народного творчества непосредственно относятся и судьбы традиционного фольклора в наши дни, — вопрос о месте его в современной народной культуре. Этот вопрос выясняется в работе экспедиций, в специальных сборниках и исследованиях. Среди изданий памятников фольклора большое место занимают сборники тра-

⁴² По этим вопросам см.: В. Василенко, Художественная самодетельность и фольклор, «Русская литература», 1960, № 2; Л. Емельянов, Путь в творчество, «Литература и жизнь», 6 сентября 1961 г. (№ 106); В. Гусев, Творчество коллектива, там же, 31 января 1962 г. (№ 13).

⁴³ К. В. Чистов, Фольклористика и современность, «Сов. этнография», 1962, № 3.

⁴⁴ Л. Емельянов, Чем должна быть фольклористика?, «Русская литература», 1960, № 2.

диционного фольклора, записанного в наше время. Специальные труды посвящаются выяснению позднейших судеб традиционных жанров⁴⁵. В них убедительно показаны неправомерность взглядов на бытующий старый фольклор как на архаику и пережиток, а вместе с тем и несостоятельность попыток упрощенно рассматривать его как непосредственный отклик на современность. Исследования наших дней раскрывают сложные отношения старого фольклора с новой действительностью. Все основательнее входит в научную практику понятие «фольклорное наследие», которое наиболее точно определяет основную сущность данного явления. Вопрос же о том, как воспринимают фольклорное наследие его современные хранители, каким закономерностям подчинено его развитие и бытование, какие изменения в нем происходят, требует еще изучения. Фольклористы справедливо указывают на необходимость бережного и внимательного отношения к хранимому наследию.

* * *

Советские фольклористы в своих исследованиях критически изучают и творчески развивают лучшие достижения дореволюционной науки. Поэтому историографические работы в нашей фольклористике закономерно занимают значительное место. История науки рассматривается в неразрывной связи с различными идейными направлениями и политической борьбой. Значительно расширен материал: в историю фольклористики включены высказывания по вопросам фольклора писателей, публицистов, историков, журнальная полемика, архивные документы. Все это дало возможность раскрыть роль фольклористики в общественной жизни и борьбе и иногда по-новому оценить деятельность отдельных ученых. Особенно много дало изучение прогрессивной линии русской фольклористики, «открытие» как фольклористов Радищева, декабристов, Пушкина, революционных демократов. Заслуга в этом принадлежит прежде всего М. К. Азадовскому, вслед за которым стали разрабатывать эти проблемы и другие исследователи. Большое значение имеет издание (посмертное) капитального труда М. К. Азадовского «История русской фольклористики»⁴⁶. Труд этот важен не только как обобщение, но прежде всего своими принципиальными концепциями, преодолением вульгарно-социологических оценок разных направлений и школ. По-новому рассмотрены здесь связи русской науки с западноевропейской, в частности славянской, наукой и показано ее своеобразие.

Сейчас, когда основные линии развития русской фольклористики достаточно ясны, перед исследователями стоит задача заполнения пробелов, более углубленного изучения отдельных школ, деятельности научных обществ, крупных ученых и собирателей⁴⁷. Недостаточно освещенным до сих пор остается период начала XX в., не показано во

⁴⁵ А. М. Астахова и Н. В. Новиков, Русский традиционный фольклор в годы Великой Отечественной войны, «Русский фольклор Великой Отечественной войны»; статья Н. П. Колпаковой, В. В. Митрофановой и Э. В. Померанцевой в кн. «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI; Э. В. Померанцева, Судьба былевого эпоса в послевоенные годы, «Русская литература», 1963, № 4, и др. Из научных изданий традиционного фольклора в записях последних лет следует отметить: «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова». Изд. подгот. В. Я. Пропп, М.—Л., 1961; «Былины Печоры и Зимнего берега».

⁴⁶ М. К. Азадовский, История русской фольклористики, М., т. 1—1958, т. 2—1963.

⁴⁷ В таком плане построены, например, «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 85, М., 1963.

всем объеме воздействие марксизма на науку о народном творчестве⁴⁸. На очереди — работа по областной фольклористике, выяснение роли местных исследователей и обществ, их вклада в науку⁴⁹, а также изучение истории фольклористики у всех народов СССР, ее связей с русской наукой⁵⁰. Актуальнейшая задача — создание полной научной истории советской фольклористики, выяснение особенностей ее развития на разных этапах.

* * *

Из приведенного краткого обзора можно видеть, в каких направлениях развертывается работа советских фольклористов, что ими сделано и делается. Чтобы решить основные проблемы, стоящие сейчас перед нашей наукой, потребуется еще немало усилий и поисков. Над многими аналогичными проблемами работают и зарубежные фольклористы. Обсуждение этих проблем на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, творческие дискуссии, которые, очевидно, развернутся, несомненно будут способствовать успешному их разрешению и дальнейшему развитию фольклористики.

SUMMARY

Soviet folklore studies concern the people's oral poetical work in all its diverse forms and throughout the whole history of its development. The major problems raised at present are: the peculiarities of folklore and the forms of its manifestation at different historical periods and in different genres; the correlation between the collective and individual; the role of folklore in the history of culture and in the life of people and its functions in everyday life; specific features of the genres and the principles of their classification, etc. All these problems, which blend into one main problem — that of folklore and historical realities — are dealt with both in general theoretical works and in studies of separate genres, topics, artistic devices, etc. Considerable attention has of late been given to the comparative-historical method in the study of folklore. Folklore is explored also as an historical and ethnographical source; its relationships with literature are being established. Textual studies by using archives and critical reviews of a number of classical collections have paved the way for the historical study of folklore. Traditional folklore in all its manifestations is studied by a consistently historical method. The final aim of such studies is retracing the history of the people's art, the establishment of the general laws of its development and of the range of ideas, images and artistic devices characteristic of each period.

Soviet folklore students attach exceptional importance to the study of the people's art of our days. The 1953—55 and 1959 discussions and the research of the recent years have helped to overcome the dogmatic approach to contemporary folklore. Folklore is collected on a large scale in all Republics and regions in order to show the condition of people's art today and to reveal the processes going on within it, its place and role in the life and culture of the Soviet people.

The diversity of forms of the contemporary people's art raises the question of its differentiation, of the correlation between folklore and mass amateur art activities. All these problems can only be solved through a deep analysis of all available material.

⁴⁸ Пробел этот в известной степени восполняет исследование В. Е. Гусева «Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX в.», в котором впервые в таком широком объеме использованы материалы марксистской — легальной и нелегальной — дореволюционной печати.

⁴⁹ Работы в этом направлении ведутся в Сибири. См. Я. Р. Кошелев, Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.), Томск, 1962; Л. Е. Элиасов, Русский фольклор Восточной Сибири, вып. I — Собиратели и исследователи народной поэзии Восточной Сибири, Улан-Удэ, 1958.

⁵⁰ Г. С. Сухобрус, Українсько-російської фольклорні зв'язки, Київ, 1963; І. П. Березовський, Іван Манжура (нарис життя і діяльності), Київ, 1962; В. К. Бондарчук, Еудакім Романовіч Раманаў, Мінск, 1961; В. К. Бондарчук и И. Г. Чигринов, Николай Яковлевич Никифоровский, Минск, 1960; М. П. Хамаганов, Бурятская фольклористика, Улан-Удэ, 1962.